

Alice Plate

Реинтерпретация истории колониальной Аляски?*

Alice Plate

(Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Reinterpretation of the history of colonial Alaska?

DOI: 10.31857/S0869568722050168, EDN: KLZФЗQ

Согласно основополагающему тезису рецензируемого исследования немецкого историка Х. Кроппа, на российских колонистов на Аляске возлагалось «объединение необъединяемого» — воплощение в жизнь имперской идеи при отсутствии её точной агенды. Им предстояло выполнить на чужой земле экономические и цивилизаторские требования правительства, не имея, однако, соответствующей политической поддержки и защиты. Этим обстоятельством оправдан взгляд на историю Русской Америки сквозь призму мировоззрения и колониального опыта самих протагонистов российской экспансии на североамериканское побережье Тихого океана.

Рецензируемая монография — полностью переработанная версия диссертации, защищённой Кроппом в 2018 г. в университете Регенсбурга — вышла в серии «Пересечения: исследования по истории Восточной и Юго-Восточной Европы». Приём смены перспектив, использованный автором при исследовании колониального прошлого Аляски, удачно соче-

тается с общей тематической линией серии. Автор осознанно отказывается от традиционного линейного и европоцентристского изложения процесса имперской экспансии, обращаясь к микроисторической проблематике, встроенной при этом в глобальный макроисторический контекст. Особое внимание Кропп уделяет самим российским колонистам: их действиям в непривычных и непростых условиях, изменениям их представлений об окружающем мире, трудностям, с которыми они сталкивались, и способам их преодоления.

Геополитические интересы Санкт-Петербурга и Вашингтона образуют лишь второй и третий уровни авторской реинтерпретации истории Русской Америки, которая начинается со второй Камчатской экспедиции 1733 г. и заканчивается продажей единственной заморской колонии России США в 1867 г. Исследование Кроппа вписывается в наметившийся в немецкой исторической русистике тренд: вопросы, касающиеся имперских утопий, пространственного опыта и видения российскими акторами

* *Kropp H.* Russlands Traum von Amerika. Die Alaska-Kolonisten, Russland und die USA, 1733–1867. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019. 204 S.

Материал подготовлен в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

This article was prepared within the framework of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation «Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies» (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University) № FEUZ-2020-0056.

конфликтов интересов в северной части Тихого океана рассматриваются в трудах М. Винклер и Р. Киндлера¹.

Основная часть рецензируемой работы делится на пять тематических глав, логическая последовательность которых задана в самом названии книги и раскрывается во введении. Взаимосвязь между колониальной, имперской и глобальной историей представлена здесь в виде трёх концентрических кругов: средний уровень рассмотрения образует империя, соединяя таким образом расположенную внутри этого конструкта колонию с трансрегиональной перспективой глобальной истории.

Соответственно, в первых двух главах, посвящённых бытовавшим в политических элитах России и США представлениям об Аляске, читатель перемещается с берегов Тихого океана в Санкт-Петербург и Вашингтон. Центральной темой главы «Санкт-Петербург и Аляска: мотивы и акторы российской колониальной политики» является неоднозначная стратегия, выбранная российским правительством для утверждения своих интересов на северо-западном побережье американского континента. Как считает Кропп, амбициозная риторика российских элит вполне соответствовала логике имперской территориальной политики раннего Нового времени и имела целью отпугнуть проникавших в Северную Пацифику внешних соперников: Испанию, Францию, Великобританию и, несколько позже, США. Обладание заморской колонией позволяло России войти в круг великих наций-первооткрывателей, что, в свою очередь, должно было подчеркнуть европейскость страны. По мнению автора, это подтверждается выбранным форматом управления Русской Америкой. Организацию, функции и полномочия полукоммерческая Российско-американская компания

(РАК) позаимствовала у британской торговой Компании Гудзонова залива.

Автор полагает, что для России богатая ценными ресурсами территория осталась прежде всего «проекционной поверхностью для её имперских утопий» (s. 10). Петербургским элитам в итоге не хватало ни политической заинтересованности, ни решительности и ресурсов для полноценной интеграции своих заокеанских владений в имперскую систему. Северотихоокеанский бассейн в целом и Аляска в частности редко попадали в центр внимания Зимнего дворца. Для властей Дальний Восток являлся лишь одной из многих периферий, и на внутрисословном уровне не выдерживал конкуренции: более приоритетными оказывались покорённые территории в Восточной Европе и Средней Азии. Кропп отмечает, что «Русская Америка заметила лишь две короткие волны эйфории» (s. 39) – второе открытие Америки «русским Колумбом» Витусом Берингом (1741) и учреждение РАК для консолидации владений (1799). Впоследствии это окончательно превратилось в стандартный колониальный проект, основными целями которого являлись повышение престижа и международного авторитета России через вхождение в круг европейских держав-владельцев заокеанских колоний, а также пополнение казны за счёт приносившей огромные прибыли охоты на калана. При этом колония ни в коем случае не должна была порождать внешнеполитических проблем: ни Александр I, ни его преемники не хотели быть втянутыми в вооружённый конфликт из-за Аляски.

В следующей главе – «Вашингтон и Аляска: завоевание континента США» – Кропп обнаруживает подобную «двойственную стратегию» (s. 77) в отношении администрации Белого дома к северо-западным кра-

ям Америки. Для Вашингтона Аляска «появилась на радаре» значительно позже — только после урегулирования Орегонского конфликта в 1846 г. Несмотря на артикулируемую США оценку сферы своего влияния, приобретённая северная периферия редко пользовалась вниманием американского правительства, у него не было полного понимания, что делать с огромной северной территорией на тихоокеанском побережье. К утверждению декларированных прав, как констатировал автор, американское правительство приступило с той же нерешительностью, что и российское.

Третья глава — «На пути к Аляске: приближения к неизвестному пространству» — содержит сравнительный анализ различных сухопутных и морских путей, по которым путешественники того времени достигали Аляски из европейской части России и с восточного побережья США. Автору показалось не столь важным скрупулёзное освещение выбранных маршрутов и событий истории открытия и покорения Аляски. Приоритетная задача главы — реконструкция исторического контекста и социальных условий, на фоне которых люди решались отправиться в далёкую российскую колонию. Трудный путь на Аляску через Иркутск и Якутск, по Охотскому тракту и дальше по морю на самодельных кораблях через Камчатку, цепь Алеутских островов и остров Кадьяк проделали сначала члены академических экспедиций, а затем торговцы, промышленники — добытчики пушного зверя — и нанятые РАК рабочие. Согласно Кроппу, по экономической и географической направленности, социальному составу колонистов покорение Аляски должно быть понято как продолжение экспансионного процесса в Сибири.

Промышленники в массе своей являлись сибиряками, скорее росси-

янами, чем этническими русскими, привыкшими к лишениям, суровому климату и зачастую пренебрежительному к ним отношению со стороны руководства РАК. Поскольку женщины в этой категории колонистов были исключением, мужчины нередко вступали в брак с туземками, перенимали их уклад жизни и в конце концов сливались с коренным населением настолько, что экипажи иностранных судов, приплывших к русским поселениям на Аляске, едва различали их по национальному признаку. Первое русское кругосветное плавание в 1804 г. обеспечило морской путь из Санкт-Петербурга в Русскую Америку. Теперь заморская колония стала ближе к столице: по времени (дорога через Сибирь занимала полтора года, а следовавшие через мыс Горн или мыс Доброй Надежды мореплаватели преодолевали расстояние за шесть месяцев), но прежде всего ментально. По новому маршруту на кораблях таких знаменитых капитанов, как И.Ф. Крузенштерн, Я.Ф. Лисянский или О.Е. Коцебу, в колонию прибыли другие россияне — прежде всего «получившие прекрасное образование полиязычные прибалтийские немцы дворянского происхождения» (с. 90), представители управленческой элиты РАК.

В следующих разделах главы ракурс исследования снова меняется. В «Пути из Америки» освещается деятельность так называемых *boston men* — торговцев и китобоев с восточного побережья Америки. Последние, находясь после провозглашения независимости США в поисках коммерческой альтернативы трансатлантической угольной торговле, переключили своё внимание на тихоокеанский бассейн, где стали координировать торговлю меховыми шкурами между русской Аляской и китайским Кантоном. В завершающем эту главу эпилоге «Пути

с Аляски» читатель сопровождает главного правителя колоний в Америке капитана флота Ф.П. фон Врангеля с супругой в Санкт-Петербург после истечения срока его контракта с РАК в 1835 г. В то время выбранный им для возвращения в Европу маршрут через Сан-Франциско, Мексику и Нью-Йорк был новинкой, в связи с чем Кропп назвал решение фон Врангеля символом «прогрессирующей консолидации Америки как целостного пространства действия» (s. 105).

В главе «Мечта об Америке: русская жизнь на колониальной Аляске» читатель, наконец, достигает противоположных евразийскому материке берегов Тихого океана. В первых российских поселениях на островах Афогнак и Кадьяк, полуострове Кеннай, а затем в столице Русской Америки Новоархангельске колонисты сталкивались со средой обитания, резко отличавшейся от бытовавших в петербургских правительственных кругах колониальных фантазий и нарративов о несении цивилизаторской миссии. Основываясь на дневниках и письмах представителей колониальной элиты, Кропп рисует мрачную картину тяжёлого быта, постоянной борьбы за выживание и сложных отношений как с коренными народами Аляски, так и с представителями других держав. «Плохо оснащённые и катастрофически недоснабжаемые, русские на Аляске владели весьма безрадостное существование», — так звучит вердикт Кроппа о Русской Америке, «которой как таковой никогда не было» (s. 147).

В пятой главе «Контакт, конфликт, кооперирование: русские и американцы на Тихом океане» рассматриваются русские колонии форт Росс в Северной Калифорнии (1812–1841), форт Елизаветы на принадлежащем гавайскому архипелагу острове Кауаи (1815–1818), а также проект создания поселений вдоль р. Колумбия

(1811–1818). Все три попытки обосноваться в климатически более пригодных для сельского хозяйства регионах североамериканского континента не увенчались особым успехом, что, по мнению Кроппа, только подтвердило существование фатальной пропасти между колониальными ожиданиями и реалиями на краю империи. Автор считает, что Петербург в 1867 г. решил отказаться от своей «мечты об Америке» именно потому, что уверенность в культурном превосходстве и запал имперской риторики вытеснялись неконкурентоспособностью, лишениями и страхами.

В исследовании чередуются макро- и микроисторические уровни. Увеличивая масштаб рассмотрения, Кропп вплетает историю северотихоокеанского бассейна в глобальные, имажинативные и физические процессы территориализации. Проведение сравнительного анализа экспансии США на северо-западное побережье американского континента и русского колониального проекта способствовало обращению к ряду более глобальных проблем, фигурирующих не только в историографии Аляски. Среди прочего Кропп задается вопросами о роли и судьбе Аляски как театра столкновения и «сбалансирования различных международных интересов» (s. 32), а также о том, следует ли признать единственную заокеанскую колонию Российской империи уникальным случаем или аномалией, тут же отрицающая эти версии (s. 31–32). Автора интересует соотношение между частной экономической инициативой и государственно-политическими мотивами заинтересованных Петербурга и Вашингтона. Также он подробно описывает, как имперские фантазии о заморской колонии постепенно сводились к менее прочной «колонии-форпосту» (согласно типологизации колоний немецкого исто-

рика Ю. Остерхаммеля)², сравнимой, выражаясь словами фон Врангеля, «с датскими владениями на западном побережье Гренландии» (s. 118).

В то время как Кропп уделяет много внимания проецированным на Аляску имперским идеям, главная тема — обещанный им взгляд через «телеобъектив» на жизненные миры русских колонистов — освещается довольно скудно. В основном полученные автором выводы строятся на небольшой подборке принадлежащих перу колониальной элиты эго-документов, ранее опубликованных или сохранившихся в фондах Эстонского исторического архива в Тарту. Низкая степень репрезентативности такой источниковой базы очевидна; в ней отражена лишь малая доля аляскинского опыта. Рядовые промышленники, работавшие в основном в структурах РАК и обладавшие собственным взглядом на вещи, остаются практически не услышанными. О том, что Кропп осознаёт эту проблему, свидетельствует источниковедческий обзор во введении к книге. Однако не совсем ясна причина упущения. Возможно, автор предположил, что после утраты архива РАК документы компании можно найти только в недоступных ему архивах Сибири и Дальнего Востока (s. 89)³. К сожалению, на концептуальной фазе проекта при взвешивании целей и возможностей его реализации возникла логистическая проблема. В результате российские колонисты — предприниматели, торговцы и охотники — не наполняются жизнью, оставаясь лишь техническими «имперскими аллохтонами».

Бросается в глаза и другая нестыковка. С одной стороны, Кропп поддерживает изложенную в книге Винклер концепцию, что для России Аляска представлялась не обособленной территорией, а интегральной составляющей империи и, соответ-

ственно, логическим продолжением Сибири. С другой стороны, его утверждения, что по статусу заокеанские владения никогда не отличались от других периферий империи, малоубедительны, хотя и многословны. В самой аргументации Кроппа доминирует несколько иное видение. И. Виньковецкий считает Аляску особым случаем как в географическом, так и в административно-политическом отношении⁴. По его мнению, аутсорсинг — передача управления территорией в руки полукommerческой организации — отличал русскую колонию в Америке от остальной части империи. Таким образом, отрицание тезиса об «экзотизации Русской Америки» (s. 22) превращается у Кроппа лишь в формальность; трудно не заметить, что автор во всём остальном согласен с рассуждениями Виньковецкого. Это в первую очередь касается главной гипотезы исследователя о так называемом дешёвом империализме⁵. Кропп соглашается, что для имперских чиновников возложение ответственности за Аляску на РАК оказалось наименее рискованной формой колониализма, так как в случае неудачи компания могла стать козлом отпущения⁶. По его версии, российские колонисты на Аляске столкнулись с невыполнимой задачей осуществления экономических и цивилизаторских требований без надежды на защиту со стороны правительства (s. 51). Разница весьма невелика, особенно если учесть, что после 1799 г., когда РАК получила от Павла I официальную монополию на эксплуатацию колонии, все «про-тагонисты и носители экспансионного процесса» тем или иным образом с нею же слились.

Итак, мы получили живо рассказанную и достаточно пронизательную, хотя и не всегда оправданно жёсткую в своих выводах историю колониальной Аляски. Тема и свя-

занные с ней порой эмоциональные дебаты подробно представлены в англо-американской и особенно в российской исторической науке⁷. Однако в немецкоязычной историографии изучение русского прошлого Аляски не относится к традиционным областям русистики, тема совсем недавно начала привлекать к себе особый интерес. Уже по этой причине, прочитав монографию Кроппа, мы получили немало, но в то же время, я предполагаю, и не совсем то, что автор хотел донести до читателя.

Примечания

¹ *Winkler M.* Das Imperium und die Seeotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700–1867. Göttingen, 2016; *Kindler R.* Robbenreich. Russlands fragmentierte Autorität und transnationale Ressourcenkonflikte am Nordpazifik (Manuskript der Habilitationsschrift) (URL: [https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/bereiche-und-](https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/bereiche-und-lehrstuehle/geosteuropas/geschichte-osteuropas-1/personen/robert-kindler)

[lehrstuehle/geosteuropas/geschichte-osteuropas-1/personen/robert-kindler](https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/bereiche-und-lehrstuehle/geosteuropas/geschichte-osteuropas-1/personen/robert-kindler)).

² *Osterhammel J., Jansen J. C.* Kolonialismus. Geschichte. Formen. Folgen. München, 2012.

³ О судьбе фондов утраченного после упразднения организации архива РАК см.: *Ермолаев А. Н., Петров А. Ю.* Документы Российско-американской компании в архивохранилищах России // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 46–52.

⁴ *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М., 2015.

⁵ Об этом термине см.: *Виньковецкий И.* Русская Америка: административный эксперимент Российской империи // Polit.RU. 2015. 2 декабря (URL: https://polit.ru/article/2016/07/10/lecture_vinkovetsky/).

⁶ *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония... С. 25.

⁷ История Русской Америки (1732–1867). В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1999. См. также: *Гринёв А. В.* Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М., 2016; *Black L.* Russians in Alaska: 1732–1867. Fairbanks, 2004.